

5. Американский капитализм

Белое население США происходит от европейских иммигрантов, которые, будучи наиболее энергичными и независимыми элементами своих народов, пересекли океан, чтобы спастись от угнетения, преследований и бедности. С первых поселений на восточном побережье, с их торговых городов, они постепенно расширялись по всему континенту, истребляя в непрерывной борьбе индейских аборигенов, расчищая леса, покоряя дикую природу и превращая ее в культивируемые земли. Во всех этих первопроходцах, как необходимая черта, развился сильный индивидуализм, смелый дух авантюризма, самодостаточность, жесткость, бдительность, внимательность и неустанность в окружающих опасностях, а также любовь к свободе, беря и делая свое собственное право. Не только у первопроходцев, искателей приключений и фермеров, но и у торговцев, ремесленников, бизнесменов, которые последовали за ними, заселяя новые города и создавая новое положение вещей для себя. Если в старой Европе все оказались в фиксированных условиях, то здесь все должно было быть сформировано заново. В тяжелой и безжалостной борьбе за жизнь, которая не оставляла времени для духовной концентрации, в создании великих предприятий и состояний, уважение к успеху в жизни и бизнесе стало выдающимся характером американского общества.

Таким образом, условия как для капитала, так и для рабочей силы отличались от европейских. Чтобы не дать рабочим попытаться счастья в качестве первопроходцев на широких пространствах, необходимо выплачивать высокую заработную плату, тем самым способствуя внедрению трудосберегающих машин. Это привилегированное положение, закрепленное отраслевыми профсоюзами, удалось сохранить до наших дней. Затем в последние десятилетия XIX века обездоленные массы иммигрантов из Южной и Восточной Европы стали наводнять и заполнять дешевой рабочей силой фабрики и трущобы восточных городов. И в нынешнем веке свободная почва подошла к концу.

Капитал был ведущей силой в экспансии XIX века. Ей не пришлось сражаться с феодальной властью или классом; с победой в войне за независимость от господства английского торгового капитала XVIII века она завоевала полное господство. Отсутствие каких-либо феодальных традиций, всякого уважения к привилегиям по рождению, делало первостепенным уважение к собственности, к реальности долларовой власти. Вскоре американский капитал сыграл главную роль в открытии западных зарослей путем рытья каналов и строительства железных дорог. Через своих друзей в Конгрессе он был вознагражден за это служение нации большими средствами для эксплуатации, заплатив не большее, чем взятки, формы, с помощью которых политики получали свою долю прибыли. Древесина бесконечных лесов, плодородная почва вдоль железных дорог, богатые залежи руды в земле — всё это стало собственностью капиталистов. Вслед за ними колонисты из

восточных штатов или Европы заселили Запад, фермеры и бизнесмены нашли свои деревни и города готовыми, лесорубы и шахтеры упорядочили свою жизнь по законам дикой природы, которые вскоре были заменены государственными органами и публичным правом.

Захват природных богатств огромного девственного континента заложил основу для быстрого роста больших богатств. В Европе этот захват и эксплуатация на протяжении многих веков были задачей большого гражданского класса, поэтому прибыль — экономическая форма ренты — распространялась в виде умеренного богатства для многих, только в исключительных случаях — как у семьи Фуггера в Аугсбурге, создавая большие состояния. В Америке этот процесс во второй половине XIX века сконцентрировался в течение короткого времени, быстро выросла небольшая группа суперкапиталистов, мультимиллионеров.

Большие американские богатства сформировались не за счет регулярного накопления промышленной прибыли, а, в первую очередь, за счет присвоения, частично за счет транспортных монополий, частично за счет политической коррупции, ценных сырьевых материалов. В упорной взаимной борьбе, уничтожая или подчиняя все больших и меньших конкурентов, были возведены крупные монополии, которые возложили тяжелую дань на все население и вырвали часть промышленной прибавочной стоимости из рук промышленных капиталистов. Быстрее и беспощаднее, чем в других местах, было установлено господство крупного капитала над всей буржуазией, власть крупных финансов над промышленностью и концентрация капиталистической власти в небольшом количестве больших концернов. Монополия, конечно, не означает полного стопроцентного контроля над отраслью: если она достигает только, скажем, 80 процентов, то аутсайдеры безобидны и обычно следуют примеру монополистов. Таким образом, остается пограничный регион для индивидуальных усилий мелких капиталистов по борьбе до второстепенного значения. Так же как и вся прибыль, зарабатываемая самими монополистами; часть акций остается капиталистической общественности для спекуляций и получения дивидендов, не имея, таким образом, доли в руководстве бизнесом. Таким образом, в то же время вся собственность мелких капиталистов поступает в распоряжение монополистов, чтобы использовать ее в своей стратегии взаимной капитальной войны, как в старые добрые времена короли использовали объединенную боевую мощь зависимых баронов.

Однако то, что остается в качестве дохода для монополистов, настолько огромно, что не может быть потреблено или потрачено само по себе. При таком безграничном богатстве мотив его обеспечения для роскошного удовлетворения всех потребностей отсутствует; многие лидеры-монополисты действительно живут довольно экономно. Ими движет стремление к власти, к расширению своего господства над все более широкими областями экономической жизни — автоматический импульс делового инстинкта, раздутый до иррациональности. Этот пример уже давно подал Джон Д. Рокфеллер, чей годовой доход тогда оценивался почти в сто миллионов долларов. Никакая роскошь, какой бы безумной она ни была, не смогла поглотить поток золота, стекающего в его руки; он не заботился о тратах и оставил его кабинету секретарей. Ни один молодой расточитель не мог, как в старые добрые времена, уничтожить состояние, собранное их отцами; теперь это имущество стало неприступным семейным владением. Как новый феодальный класс «шестьдесят семей Америки» держат власть над источниками жизни общества, проживая в

своих замках и больших поместьях, иногда обладая почти целым штатом, как семья Дюпонов в Делавэре. Они могущественнее старых королей, которые только и могли попытаться выжать свою долю из прибылей капиталистического класса; они хозяева самой капитальной власти общества, всех быстрорастущих производительных сил стремительно развивающегося континента.

Власть над производством означает власть над политикой, поскольку политика является одним из основных средств обеспечения власти над производством. Политика в Америке всегда отличалась от политики в Европе, потому что здесь не было феодального класса, который мог бы победить. В своей борьбе против господства феодального класса европейская буржуазия приобрела смысл превосходства классовых интересов над личными, таким образом, в своем стремлении к развитию идеализма и самопожертвования. Таким образом, в Европе политика была областью, где бескорыстные политики могли работать на возвышенные принципы, на «общественные интересы». В Америке не было необходимости и места для такой классовой политики; интересы с самого начала были личными или групповыми. Таким образом, политика — это бизнес, поле для преследования личных интересов, как и любая другая сфера деятельности. Лишь в более поздние годы, когда рабочий класс проснулся и начал говорить о социализме, его коллега заговорил об общественных интересах общества, и о первых следах реформистской политики.

Результатом, принятым как неизбежное, стало то, что политика часто бывает подкупной. В своем первом подъеме монополисты не имели других средств, кроме прямого подкупа. Часто цитируют слова Джона Д. о том, что каждого можно купить, если только знать его цену. Непрекращающаяся борьба со стороны мелких капиталистов, конкурентов и представителей публичной честности перед судами в законодательных органах тщетно пытались либо наказать, либо возместить ущерб от мошенничества, либо раскрыть правду. Именно по такому случаю воскликнул друг сенатора, обвиняемого миллионера: «Мы должны принять закон, по которому ни одного человека стоимостью в сто миллионов долларов не следует судить за преступление». Действительно, хозяева капитала стоят выше закона; зачем же тогда поддерживать вызывающее беспокойство впечатление, что они равноправные граждане, подчиняющиеся закону?

Когда власть крупного бизнеса прочно укореняется и становится неприступной, эти грубые методы постепенно становятся излишними. Теперь в нем было большое количество друзей, клиентов и агентов, зависимых доверенных лиц, всех постоянных людей, посаженных на хорошо оплачиваемые почетные должности, влиятельных в политике, как и во всей общественной жизни. Они оказывают или имеют влияние на партийных лидеров, формируют фракции, управляют всем за кулисами на партийных съездах и выбирают членов съезда, сенаторов и кандидатов на пост президента. Сто тысяч долларов, необходимых для шумных предвыборных кампаний, оплачивает крупный бизнес; каждая из крупных партий имеет в качестве своего агента одну из двух великих соперничающих партий, а некоторые из крупнейших даже платят обеим. Для борьбы с этой «коррупцией» или, по крайней мере, для ее разоблачения путем огласки, их противникам удалось добиться того, что каждая из партий должна была отчитываться перед общественностью о своих финансах, таким образом показывая источники своих средств. Это был выстрел в воздух; это не вызвало ни сенсации, ни даже удивления; казалось, что общественное мнение было полностью готово

принять доминирование крупного бизнеса в политике как самоочевидный и общеизвестный факт.

Пресса, конечно же, полностью в руках крупного капитала. Крупные газеты покупаются, или неограниченное количество долларов тратится на создание новых газет их учредителями. Самое главное здесь — популярные местные газеты, обеспечивающие духовную поддержку миллионам избирателей. В то же время ведущие газеты предлагают образованным классам компетентные статьи о науке, искусстве, литературе, внешней политике, тщательно написанные хорошими экспертами, чтобы направить их мнения в нужное русло. Невозможна независимая пресса, имеющая широкое распространение. Иногда состоятельный идеалист с крейцкопфом создает газету, открытую для разоблачения и критики тайных сделок капиталистов. Тогда предпринимались попытки ее захватить или подорвать; если же они не удавались, то ее откровения, ее мнения, даже ее существование никогда не упоминались в других газетах, в заговоре молчания, так что ее влияние оставалось совершенно незначительным.

Эта пресса доминирует в духовной жизни американского народа. Самое главное — это даже не сокрытие всей правды о царствовании крупных финансов. Ее целью еще больше является воспитание до бездумности. Все внимание направлено на грубые ощущения, избегается все, что могло бы пробудить мышление. Газеты не предназначены для чтения — мелкий шрифт уже является помехой — но в быстром опросе толстых заголовков информировать общественность о неважных новостях, о семейных мелочах богатых, о сексуальных скандалах, о преступлениях преступного мира или боксерских матчах. Цель капиталистической прессы во всем мире, отвлечение внимания масс от реальности общественного развития, от собственных глубочайших интересов нигде не удается с такой тщательностью, как в Америке.

Еще больше, чем в газетах, на массы влияет радиовещание и кинематограф. Эти продукты самой совершенной науки, призванные в свое время быть лучшими просветительскими инструментами человечества, теперь в руках капитализма превратились в сильнейшее средство поддержания своего господства, одурманивая умы. Потому что после нервной усталости фильм предлагает расслабление и отвлечение с помощью простых визуальных впечатлений, не требующих интеллекта, массы привыкают бездумно и охотно принимать всю свою хитрую и пронзительную пропаганду. Он отражает самые уродливые стороны общества среднего класса. Она обращает все внимание либо на сексуальную жизнь, в этом обществе — отсутствующих чувств общности и борьбы за свободу — как на единственный источник сильных страстей, либо на жестокое насилие; массы, воспитанные на грубое насилие, а не на социальное знание, не опасны для капитализма. Радиовещание по своей природе является органом власти, способным доминировать над массами, посредством постоянного одностороннего распределения, навязывая свои идеи, свои точки зрения, свои истины и свою ложь слушателям, без возможности обсуждения и протеста. Как подлинный инструмент духовного господства миллионов отдельных личностей организованной диктатурой, он используется крупным капиталом, чтобы утвердить свою власть.

Не только к грубой работе массовой пропаганды через газеты, но и к более тонкому влиянию более глубокой духовной жизни хозяева капитала проявляют свою заботу. Отзывы

покупаются или создаются, богато иллюстрированные еженедельные или ежемесячные издания редактируются и составляются способными литераторами и опытными сотрудниками. Они полны поучительного и привлекательного материала, тщательно подобранного таким образом, чтобы культурная и интеллектуальная часть граждан научилась чувствовать и думать так, как этого желает им монополистический капитал, а именно: что их страна — великая страна, и свободная, и молодая страна, предопределенная гораздо большим будущим, и — хотя есть некоторые недостатки, которые должны быть исправлены достойными гражданами — это самое лучшее, что только возможно в мире. Здесь молодые интеллектуалы находят свои возможности; если они должны быть склонны мешать могущественным, независимой критике, резкой оппозиции, то их извергают, игнорируют, замалчивают, препятствуют везде, возможно, морально уничтожают; если они послушны и готовы служить хозяевам, то путь открыт к хорошо оплачиваемым должностям и общественным почестям.

Наука тоже подчиняется классу миллионеров. Английская традиция частного финансирования не только церквей, больниц и детских домов, но и университетов, профессорских кафедр и библиотек с самого начала была продолжена в Америке. Огромные суммы денег были потрачены американскими миллионерами — конечно, не всеми, и даже не самыми богатыми — на институты искусств и наук, на музеи, галереи, университеты, лаборатории, больницы, обсерватории, библиотеки. Иногда из идеалистических побуждений, иногда в память о родственнике, иногда просто из чувства гордости, всегда с инстинктом справедливости: там, где они захватили для себя богатство, которое в других местах досталось обществу в целом, их обязанность заключалась в том, чтобы обеспечить такие особые, большие, культурные расходы, которые не сразу ощущались нуждой, но в то же время были необходимы в качестве основы общества в долгосрочной перспективе. Потратив таким образом лишь малую часть своего богатства, они приобрели известность как защитники науки, как благодетели человечества. Их имена написаны большими золотыми буквами на фасадах горделивых зданий: Филдовский музей, Университет Маккормика, Библиотека Вайденера, Институт Карнеги, Обсерватория Лика, Фонд Рокфеллера. А это означает больше, чем просто удовлетворение личной гордости. Это означает, что весь мир науки становится их приверженцем и считает, что их эксплуатация американского народа является более желательным условием развития науки, чем когда в других странах деньги на науку должны вымогаться у бескорыстных правительств в скудных размерах. Учреждение университетов и предоставление им средств означает контроль над ними; таким образом, миллионеры с помощью своих агентов, действующих в качестве президентов и контролеров, могут следить за тем, чтобы никакие опасные элементы, как преподаватели, не могли повлиять на идеи студентов.

Духовная сила, которой так владеет крупный капитал, едва ли требует жертв на их стороне. Если бы она оставила все эти расходы правительству, то ему пришлось бы платить за них в виде налогов. Сейчас такие фонды освобождены от налогов и часто используются как средство ухода от налогов. Пожертвования состоят из акций крупных предприятий; эти учреждения получают дивиденды, деньги, на которые капиталисты не имеют другого применения. Однако право голоса, закрепленное за акциями, необходимое в манипуляциях и финансовой стратегии хозяев, единственное, что их касается, по тщательно продуманному уставу надежно хранится в руках их агентов.

Таким образом, в твердой хватке монополии капиталисты доминируют в промышленности, транспорте, производстве, общественной жизни, политике, церкви, конечно, в прессе, рецензировании, университетах, науке и искусстве. Это самая высокоразвитая форма классового господства, всемогущее малочисленное меньшинство над всей буржуазией, а значит и над всем американским народом, «Корпорация Соединённых Штатов». Это самая совершенная форма капиталистического правления, потому что она основана на демократии. По демократическим формам жизни она прочно укоренилась в обществе; она оставляет все остальные классы — мелкую буржуазию, интеллигенцию, фермеров, массу рабочих — убежденными в том, что они свободные люди в свободной стране, борющиеся, конечно, против могучих социальных сил, но все же хозяева своего дела, выбирающие свой путь. Она была построена, постепенно и инстинктивно, в прозорливой организации, состоящей из всех экономических и духовных сил. Основная часть деловой, как и духовной жизни, вплетена в систему зависимостей, принятых как существующие условия, замаскированных во внешность самостоятельного действия и свободной индивидуальности. Тот, кто пытается противостоять, изгнан и уничтожен; тот, кто сотрудничает добровольно, хотя и обязан постоянной борьбой с конкурентами, находит свое место в системе.

Против такого господства крупных монополистов капиталистический мир не имеет ни средств сопротивления, ни средств правовой защиты. Сотни раз предпринимались самые разнообразные попытки сломать их власть, путем подачи исков в суды, путем принятия законов против трестов и комбинаций, путем проведения избирательных кампаний, путем создания новых политических партий с новыми лозунгами. Но все это было напрасно. Конечно, ибо это означало бы возвращение к неорганизованному малому бизнесу, вопреки сути социального развития. Попытки подготовить почву для дальнейшего развития в сторону коллективного производства, посредством фундаментальной критики, были предприняты в пропаганде «технократии» группой интеллектуалов и инженеров, а также в действиях Социал-демократической партии. Но их силы были слишком слабы. Большая часть интеллектуального класса чувствует себя хорошо и довольна системой. И до тех пор, пока квалифицированный труд сумеет сохранить свои позиции с помощью профсоюзов, нельзя ожидать мощного революционного действия рабочего класса.

Американские рабочие всегда чувствовали жесткую руку капитала и вынуждены были бороться с его давлением. Хотя это была просто борьба за заработную плату и условия труда, она велась со всей жестокостью, которая в суровых условиях разнузданного делового эгоизма сопровождала всю борьбу только за личные интересы. То, что возникало в таких конфликтах между трудом и капиталом, было, прежде всего, солидарностью всего класса бизнесменов с крупным капиталом. Это было инстинктивное классовое сознание, разогретое до белого каления прессой, которая, полностью находясь в руках слуг капитала, осуждала забастовщиков за сфабрикованные безобразия и называла их анархистами и преступниками. Во-вторых, дух беззакония и насилия в том же классе, наследие условий жизни первопроходцев, особенно ярко проявившийся на далеком Западе. Старые методы дикой войны против индейцев и взятия закона в свои руки теперь использовались против нового врага — восставшего класса, забастовщиков. Вооруженные отряды граждан, получивших звание гражданской гвардии и, таким образом, готовых на любое беззаконное насилие, заключали забастовщиков в тюрьмы, жестоко обращались с ними и применяли все формы терроризма. Рабочие, их старый дух первопроходца, еще не сломленный, сопротивлялись

всеми средствами, так что забастовки часто носили характер небольших гражданских войн, и в этом случае, разумеется, рабочие, как правило, имели самые худшие из них. В промышленных городах Востока хорошо организованная полиция, сильные ребята, убежденные в том, что забастовщики — преступники, стоят на службе мэров и городских советов, которые сами по себе являются ее агентами со стороны крупного капитала. Когда на крупных заводах или в горнодобывающих районах вспыхивали забастовки, на рабочих выходили войска шпионов из подполья, закупленные офисом Пинкертон и приведенные властями к присяге в качестве специальных констеблей. Таким образом, в Америке только в экстремальных случаях бастующие рабочие могли надеяться на такое количество прав и порядка, как это принято, например, в Англии.

Все это не мешало рабочим воевать. Американское рабочее движение показало блестящие примеры боевого духа, мужества и преданности, хотя они всегда действовали только в отдельных группах. Однако отныне на них будут постепенно навязываться новые методы борьбы, большее единство, новые формы организации. Условия меняются; нет более открытой земли, которую могли бы заселить первопроходцы — хотя, в более широком смысле, с помощью более совершенных методов континент мог бы прокормить гораздо больше миллионов жителей. Теперь будет труднее поддерживать старые стандарты заработной платы. Поскольку поток иммиграции остановился, процесс американизации старых иммигрантов выравнивает условия труда и борьбы, а также готовит основу для всеохватывающего единства класса. Дальнейшие условия должны быть созданы за счет дальнейшей экспансии капитализма.

Такой рынок, однако, может быть создан. Находясь в плодородных равнинах и долинах Восточной и Южной Азии, многие сотни миллионов людей, почти половина населения Земли, живут в настоящее время домашним хозяйством или мелкомасштабными ремеслами и пахотными работами. Превращение этих умных и трудолюбивых масс сначала в покупателей промышленной продукции, а затем в промышленных и аграрных работников на службе капитала — это крупная возможность, которая сейчас стоит перед американским капитализмом. Поставки на этот огромный рынок обеспечат американской индустрии эпоху подъема и процветания. Инвестиции капитала, строительство железных дорог и фабрик, основание новых отраслей промышленности в этих густонаселенных странах обещают огромные прибыли от капиталистической эксплуатации и огромный рост власти. Правда, создание капиталистического Китая создаст мощного конкурента на будущее, с перспективой дальнейшей мировой войны; но это не вызывает сейчас никакого беспокойства. На данный момент задача состоит в том, чтобы обезопасить этот рынок путем смещения других мировых держав, особенно сильно развитого японского капитализма, который работал над тем, чтобы основать Восточно-Азиатскую империю под его руководством. Мировая политика означает войны, которые введут милитаризм в Америке со всеми его ограничениями, с ее барабанной дробью, с ограничением старых свобод, с большим насилием и более сильным давлением. Замаскированный, конечно, в демократические формы, но все же создающий новые условия жизни, новые чувства и идеи, новое духовное мировоззрение, каким-то образом похожее на старую Европу. Тогда американским рабочим, частично участвующим во власти и процветании подъема, частично прижатым более могущественными господами, нужно будет разработать более мощные формы классовой борьбы.

Американский капитализм создал власть над обществом и рабочим классом, не имевшим равных в мире. Социальная и политическая демократия дает гораздо более прочный фундамент, чем может дать любая диктатура. Ее власть зиждется на концентрированной собственности на все средства производства, на деньгах, на неограниченной власти над государством и правительством, на духовном господстве над всем обществом. Вопреки мятежному рабочему классу она сможет активизировать деятельность всех органов государства, организовать еще более крупные группы вооруженных защитников, используя свою монополию на прессу для подстрекательства общественного мнения к духовному терроризму; а в случае необходимости демократия может быть даже заменена открытой диктатурой. Таким образом, рабочий класс также должен будет подняться на гораздо более высокий уровень власти, чем когда-либо прежде. Против более могущественного врага в любой точке мира должны быть удовлетворены более высокие требования единства, пронизательности, преданности. Их развитие, несомненно, требует длительного периода борьбы и роста. Главная слабость американского рабочего класса — это его менталитет среднего класса, вся его духовная подчиненность идеям среднего класса, заклинание демократии. Сбить его с толку они смогут только поднятием своего сознания до более глубокого классового сознания, объединением себя в более сильное классовое единство, расширением своего понимания культуры более высокого класса, чем где бы то ни было в мире. Рабочий класс в Америке должен будет вести против мирового капитализма самую трудную и в то же время решающую борьбу за свою и мировую свободу.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:43:33

Артём обновил 30 декабря 2025 08:44:38